

Р. Штейнер

«НАРОДНЫЕ ДУШИ»

**Берлин 27 ноября 1914 г.
лекция 4**

**Из GA 64
«Из судьбоносного времени»
14 открытых лекций**

Перевод с немецкого: А.А. Демидов

Содержание тома:

Введение. Из вступления Марии Штейнер, 1940г.

*Духовный склад Гёте в нашем судьбоносные дни и немецкая культура, рассмотренные духовнонаучно.
Берлин, 29 октября 1914 г.*

*Народ Шиллера и Фихте, рассмотренный духовнонаучно.
Берлин, 5 ноября 1914 г.*

*Человеческая душа в жизни и смерти, рассмотренные духовнонаучно.
Берлин, 26 ноября 1914 г.*

*Народные Души, рассмотренные духовнонаучно
Берлин, 27 ноября 1914 г.*

*Германская Душа и немецкий Дух с точки зрения духовной науки.
Берлин, 14 января 1915 г.*

*Духопознание в счастливые и серьезные часы жизни. Рассмотрение времени.
Берлин, 15 января 1915 г.*

*Несущая сила немецкого Духа
Берлин, 25 февраля 1915 г.*

Что в человеческом существе смертно?

Берлин 26 января 1915 г.

Омолаживающая сила немецкой Народной Души.

Берлин, 4 марта 1915 г.

Что в человеческом существе бессмертно?

Нюрнберг, 12 марта 1915 г.

Арена мысли как результат немецкого идеализма по отношению к нашему судьбоносному времени.

Мюнхен, 28 ноября 1915 г.

Картина мира с точки зрения немецкого идеализма. Рассмотрение в связи с нашим судьбоносным временем.

Берлин, 22 апреля 1915 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сон и смерть с точки зрения духовной науки.

Берлин 16 апреля 1915 г.

Самопознание и познание мира с точки зрения духовной науки.

Берлин 23 апреля 1915 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лекция 5. НАРОДНЫЕ ДУШИ Берлин 27.11.1914.

Тема сегодняшнего вечера тоже происходит из импульсов, которые может дать наше время. В нашей современности, когда столь многие народы сражаются друг с другом, было бы благом - потребовать от душевного взора человека заглянуть в то, что живет в силах, в бытии отдельных народов; и поскольку об этих реалиях в народах можно говорить как о Народных Душах, следует поговорить об этом сегодня.

В наше время стало уже трудно в духовнонаучном смысле - как это и должно происходить здесь - говорить об отдельной душе человека, поскольку многократно ширится эпохальное течение материализма, и по отношению к действительной, истинной внутренней сущности отдельной души нелегко сохранить правильную позицию, ведь реальность этой отдельной души подвергается сомнениям и отрицается. Но ещё менее свойственно натуралистическому, материалистическому мышлению, - тому мышлению, которое сегодня полагает, будто бы надо отрицать душевно-духовное начало в его истинном значении, ибо это мышление хочет стоять на твердой почве естествознания, - еще дальше отстоит от него то, что может быть обозначено, как Народная Душа. Должна ли эта Народная Душа быть чем-то иным, - так гласит натуралистический образ мыслей, - как совокупностью всего того, что возвещает о себе из отдельной души, что сплывает некую общность людей, но что имеет реальное существование лишь в отдельном

человеческом индивидууме? Уже в первой лекции, которую мне довелось прочесть этой зимой, я подчеркивал, что великие события нашего времени, жертвенный уход столь многих душ, направляет взор на Народные Души, как на нечто реальное. В большей или меньшей степени осознается это тем, кто по требованию судьбы эпохи жертвует собой; он под своей жертвой понимает нечто, приносимое им Народной Душе, чему-то реальному, чему-то действительному, тому, что живет, что обладает внутренней бытием, внутренней экзистенцией. Философы, включая и наших, предпринимающие духовное рассмотрение столь антипатичного времени, если только они пытаются глубже вникнуть в обстоятельства истории, в обстоятельства внешней жизни людей, все же не могут пройти мимо идеи «души общности», другими словами мимо идеи Народной Души. Так Вундт, лейпцигский философ, который сегодня пользуется большим авторитетом, и о котором никак нельзя сказать, что он имеет склонность к духовнонаучному рассмотрению, не может рассматривать дух общности иначе, как нечто реальное, кому он приписывает некий организм и даже личность. Такие вещи обращают внимание на то, что занимающийся философскими предметами по крайней мере близок к тому, что даёт духовная наука; и что, в сущности, лишь вследствие незнакомства с духовной наукой считают, будто бы духовная жизнь и духовная реальность являются лишь придатком, надстройкой по отношению к внешней действительности. Некий организм Вундт видит также и в том, что совместно живёт внутри одного народа благодаря речи, нравам, религиозным воззрениям. Он даже сказал - изживается, проявляется в одной личности. Но всё же, внешние философы ничего не добавили к духовнонаучному рассмотрению. Для этого было бы необходимо исходить из иных основ, тех, внимание на которые обращалось во вчерашней лекции.

Было указано на то, что развитие человеческой души происходит благодаря стимуляции внутренних сил, благодаря преодолению внутренней конфронтации, вследствие чего человеческая душа ширится, чтобы созерцать духовное, духовный мир, посредством чего душа вживается вверх, в опыт, который затем может быть выражен, если сказать: внутри духовного мира человек переживает себя в качестве некой мысли высших духовных существ; так как наши мысли живут в нас, так, посредством душевного развития человек переживает себя как мысль высших духовных существ. Было обращено внимание на то, что нечто, содержащееся в человеке как духовно-душевное начало, которое в обычном сне от засыпания до пробуждения живет вне человеческого тела, проясняется, просветляется благодаря душевному развитию. Так что человек осознаёт себя там, где он, в ином случае живёт бессознательно от засыпания до пробуждения; тем самым человек осознаёт себя как живущего в своём собственном духовном бытии, в своём собственном высшем бытии. Это подобно тому, как он - в противном случае - знает о своём здешнем физическом бытии во внешней природе. Но также обращалось внимание и на то, почему человек в смутной, сонной жизни своей души не может просветить себя сознанием духовного бытия. Мы говорили, что его от засыпания до пробуждения наполняет вожделение снова погрузиться в своё физическое тело; и это вожделение полностью затуманивает, помрачает то, что иначе бы проявилось, когда душа во сне становится свободной от тела, чтобы покоиться в лоне духовного мира. Ибо можно сказать: духовная наука понимает, как душа может быть автономной, знающей себя, как свободную от тела; духовная наука знает и о том, что душа не может ничего узнать о том состоянии, в которое она может ежедневно вступать при засыпании, поскольку её сознание замутнено. Но в этом духовный исследователь узнаёт своеобразные свойства существа свободной от тела человеческой души; ещё иным образом узнаёт он и о том, что означает новое погружение в физическое тело при пробуждении. И здесь необходимо высказать одно наиболее значительное духовнонаучное сведение, познавательный результат духовного исследования.

Духовнонаучный исследователь сознательно переживает это погружение в физическое тело. Как приходит он к тому, чтобы сознательно пережить то, что остаётся бессознательным во сне, также приходит он и к переживанию, каким способом живёт

душа в этом теле, когда снова погружается в него. Духоиспытатель знает, как помрачено сознание души в состоянии сна; он знает также, что когда душа погружается в тело, она, можно сказать, бодрствует в большей степени, нежели могла бы она бодрствовать благодаря своим собственным силам. Как она, будучи в состоянии сна оглушена, помрачена в том своём сознании, в котором она может находиться благодаря её собственным силам из-за существующего в ней вожделения, так во время дневной жизни она является более бодрствующей, более яркой, более просветлённой, нежели она могла бы быть благодаря собственной силе. Посредством её погружения в тело она может участвовать в том, что она может пережить в теле; но это погружение в тело приводит её в состояние более бодрственное, нежели полученное посредством силы, которую душа приносит с собой.

Тут духовный исследователь обнаруживает истинность тезиса, что всё, что встречается нам во внешнем мире как чисто физическое, проникнуто духовным началом, что во всём физическом, в сущности, живёт духовное начало. И как человек проникает в свой внутренний духовный свет, так погружается он в своё тело и знает, что оно не просто тело, но что оно всецело одухотворено и одушевлено; и в той душевности, которую он воспринимает, погружившись в своё тело, находится то, что ведёт действительную, не только личную, но и сверхличную духовную жизнь, то, с чем мы не встречаемся, переживая то, что переживается между засыпанием и пробуждением, а встречаемся, лишь погружившись в тело. Посреди многой прочей духовности мы, погружаясь в своё тело, встречаем то, что может быть названо Народной Душой. Эта Народная Душа одухотворяет, одушевляет наше тело. Не одна только телесная материальность дана нам с нашим телом; с нашим телом, которое мы между рождением и смертью используем как инструмент, нам дано также и то, что одушевляет наше тело, и что не идентично с нашей собственной личной душой. То, что соединяется с нашей собственной личной душой, когда мы погружаемся в тело - это то, что является Народным Духом (Volksggeist), Народной Душой (Volksseele). Каждый раз при засыпании мы некоторым образом покидаем также и местопребывания Народной Души, к которой мы принадлежим. Духовный исследователь, - я уже часто обращал на это внимание, - не опасается упрёка в дуализме, который, якобы противоречит «монизму», если этот духовный исследователь обращает внимание на то, что человек представляет собой двойственность, что он каждый раз при засыпании из единства раскалывается в двойственность; духовный исследователь столь же мало опасается этого упрёка, как мало опасается химик упрёка в дуализме, если он говорит о воле, что она состоит из водорода и кислорода. В человеке, насколько мы наблюдаем его как внешний физический облик, живёт не только отдельная душа, идущая от жизни к жизни, которая всё снова и снова воплощается в повторных земных жизнях; нет, в том, что странствует в качестве физического облика, физического образования, живёт ещё иное душевное начало, живут действительные, проникнутые сознанием Народные Души. Только эти Народные Души проникнуты сознанием иного рода, нежели отдельные человеческие души мы можем получить представление о том, насколько иного рода являются эти Народные Души, обратив внимание на следующее. Будучи противопоставлен внешней действительности, человек стоит по отношению к ней так, что в соответствие со всеми его задатками характера, в соответствие со всеми нюансами его душевной жизни, он, или как бы отдаётся наблюдению за вещами, за предметностью внешнего мира, или живёт так, что, не будучи склонен направлять взор на горизонты внешнего мира, в большей степени желает жить вместе с тем, что живёт в собственной душе, что волнообразно поднимается и опускается там. Эта противоположность выступает нам навстречу, если мы направим взор на Гёте и Шиллера. Мышление Гёте, которое с правом называют «предметным», покоится на вещах, распространяется над вещами; оно живёт так, что Гёте живёт с вещами, и как бы вдыхает их духовность, подобно духовно вдыхаемому воздуху. Взгляд же Шиллера был таков, что он меньше был направлен на окружающие вещи, но был в большей степени обращён в саму душу, в то, пульсировало, волнообразно поднималось и опускалось там. Тому, что через историю проявляется как Народная Душа, свойственно то, что для этой

Народной Души внешний мир не существует, как существует он здесь для отдельной человеческой души. Как для нас вокруг, в природе располагаются вещи, так таковыми вещами являемся для Народной Души мы сами. Наши души, которые при пробуждении всегда втягиваются в тело, являются как бы объектами наблюдения для втянутой, впитанной в нас Народной Души, подобно тому, как предметы природы являются объектами наблюдения для нас самих. Когда мы погружаемся в тело, мы становимся - нельзя сказать созерцаемы, - но в волевом отношении проникнуты пульсом сил и воздействий Народной Души. Народная Душа ободряет, поднимает нас, настраивается на нас.

Но может возникнуть разница: Народная Душа может в большей степени обращаться на то, что впитано в тело, нежели в индивидуальную человеческую душу. Как я уже пояснил на примере индивидуальной души Гёте в связи с её отношением к природе, - волевой импульс Народной Души может больше охватывать отдельную душу, может в большей степени отдаваться отдельной душе; или же Народная Душа может больше жить в себе, - что я подчёркивал на примере Шиллера, - может в большей степени жить в том, что она при помощи человеческой телесности может переживать как свое собственное достояние. Таким образом, мы видим у Народной Души личностное сознание (*Persönlichkeitsbewusstsein*), для которого наши души являются словно бы тем, чем является для нас природа. Можно было бы ещё многое сказать о Народных Душах и их своеобразии в связи с особенными свойствами человеческой души. Однако, следует понять: как отдельные человеческие души многообразны и различны, как многообразно и различно их отношение к миру, в зависимости от того, в большей или меньшей степени направляет душа свой взор внутрь, или вовне, так и Народные Души могут по разному относиться к тем человеческим душам, которых они охватывают в народах. Вид и образ действия, в соответствие с которым Народные Души относятся к отдельным человеческим душам, определяют ход истории, задают ход тому, что, собственно, происходит. Так Народные Души выявляются в нюансах, так незримо живут они в том, что мы называем человеческой историей. И мне хотелось бы, - по крайней мере, для некоторых поистине реальных Народных Душ попытаться отобразить то, что духовный исследователь должен сказать о существовании Народной Души. Те слушатели, которые слышали лекции, предназначенные для более узкого круга, будут знать, что такого рода изображение вызвано не только величиим момента времени, но что я всегда подобным образом излагал эти вещи как результат духовного исследования, излагал на протяжении многих лет, перед тем, как импульс современной эпохи заново побудил души, чтобы точнее рассматривать то, что живёт в народах.

Рассматривая Народные Души, как они изживаются в истории, мы могли бы зайти далеко назад в человеческую эволюцию, поскольку эта человеческая эволюция благодаря духовным исследованиям стала открыта. Мы хотим вернуться только до того пункта мировой эволюции человечества, который некоторым образом способен высветить для современности то, что сегодня интересует нас больше всего. Мы могли бы исследовать особенный вид Народной Души, вернувшись назад, вплоть до древне-египетской жизни, родственной халдео-вавилонско-ассирийской жизни, к той жизни, которая в эволюции человечества предшествовала жизни греческой и римской. Духовный исследователь говорит о реальных Народных Душах, которые проявляли себя в том, чем была египетско-халдео-ассирийско-вавилонская жизнь, проявляли так, как проявляет себя в теле индивидуальная душа. Не только в символическом смысле говорят о том, что эти Народные Души имели организм и личность; но насколько верно то, что в отдельном человеческом теле проявляется личностная, самосознающая душа, настолько верно и то, что в исторических событиях, происходящих в лоне народов живёт доступная сверхчувственному восприятию, реальная, самосознающая Народная Душа, в том виде, как об этом сообщалось; так что человек сознательно погружается в эту Народную Душу, если он подготавливает душу к такому сознанию, как это было сообщено вчера.

Отличительным свойством Народных Душ, составляющих основу египетско-вавилонской-ассирийско-халдейской жизни является то, что эти Души в высокой степени, - в наибольшей степени это имело место только в азиатской и африканской народной жизни, - что эти души вели собственную жизнь, так что можно сказать, что эти Народные Души мало отдавали себя в распоряжение отдельных, индивидуальных человеческих душ. Индивидуальные, отдельные души людей, ведя свою телесную жизнь, при некотором растворении индивидуальности идентифицировали себя с тем, чем была Народная Душа. В том, что совершали люди, гораздо больше изживалась Народная Душа, нежели изживался отдельный человек. Этим обуславливалось своеобразие египетской и халдео-вавилонско-ассирийской культуры.

Духовная наука относительно Народных Душ указывает, что они, - поскольку они живут невидимо, незримо, - родственны всей духовности, которая пронизывает всё материальное. Когда человек в новое время в большей степени замкнулся в своей душе, природа стала для него другим полюсом, чем-то обездушенным, тем, что перестало являться ему как повсюду проникнутое духом и душой. Когда древний египтянин, древний халдей смотрели на мир. Он ещё в гораздо большей степени, нежели позднее, вглядывался в ход звезд и планет, в движение небесных тел, а также в те движения, которые происходят в облаках и воде, вглядывался в то, как возникает из водного элемента суша, - и повсюду он видел выражение духовного начала в материальном. Как человек, глядя в лицо другому человеку, в мимике, в изменении лица видит выражение души, так описанным образом соединенный со своей Народной Душой египтянин и халдей видел в том, что сегодня называют «астрологическим» воззрением на мир, результат того, что из всего внешнего, из всего материального говорит о себе духовное начало, физиогномический лик внутреннего мира. Так небо и весь мир были одушевленными или даже больше; когда Народная Душа ещё говорила в человеке, он во всех жестах природы, сквозь всю внешнюю физиономию природы видел духовное начало.

Внутренний прогресс человечества состоял в том, что в ходе времени на место действия египетских и халдейских Народных Душ вступили греческие и римские Народные Души. Эти греческие и римские Народные Души отличались от египетских и халдейских тем, что они в меньшей степени были заняты самими собой, что они с любовью отдавали себя в распоряжение человеческой индивидуальности. Так в эллинизме впервые забрезжило то, что можно характеризовать как сохранение, закрепление человеческой индивидуальности, даже если последняя погружалась в лоно Народной Души; результатом этого особенного отношения отдельной души к Народной Душе явилось всё то, что греческая Народная Душа пробудила как величие искусства, величие поэзии и философии. Для того, чтобы эти рассматривания были вполне понятны, я должен бросить короткий взгляд и на отдельную человеческую душу. Духовная наука никак не может представлять эту человеческую душу столь примитивно, как делает это внешняя наука. Для духовного исследователя человеческая душа представляет собой живое единство, проявляющееся во всей полноте в жизни «я» (Ich-Leben). Но как верно то, что свет, проходя через призму расчленяется на различные цвета - от красного, желтого, через зелёный к синему, фиолетовому, - так и в человеке посредством совместной жизни с внешней действительностью, которая как бы играет роль «призмы» для человеческой души, эта единая душевная жизнь расчленяется в человеке на три, - можно сказать, - на три главнейших проявления. В духовной науке они обозначаются как душа ощущающая, душа рассудочная или душа характера, и как душа сознательная. Было бы легко с инфантильностью насмеяться над таким членением человеческой души, насмеяться, исходя из системы той науки, которая верит, что стоит на надёжной почве истинной научности. Однако, верно то, что нельзя подойти к познанию света, не рассматривая свет в отношении к материи призмы, не увидев его разложенным в шкалу цветов радуги, но столь же мало можно подойти к познанию отдельной души, не видя того, как, вследствие контакта с внешним миром, душевный свет распадается на отдельные лучи душевного

света; на луч души ощущающей, луч души рассудочной или характера и на луч души сознательной. Взглянув на душу ощущающую, мы должны сказать: душа развивается как душа ощущающая, если она в большой степени живёт в своём внутреннем мире, если её собственные душевные силы - хотя они и живут в теле - как бы пытаются эмансипироваться, освободиться от внешнего мира. Как в случае света разложенного призмой, наиболее сильный свет живет в желто-красном, так и душа в душе ощущающей проявляет душевную жизнь наиболее сильно. И напротив, душа сознательная проявляет себя так, как проявляет себя свет там, где он больше всего ослаблен, где он становится похож на сумрак – в сине-фиолетовом. Так душа сознательная проявляет себя в тех переживаниях, которые в большей степени высвобождают себя от внутренней душевной жизни, которые больше переживают то, что благодаря своим силам и свойствам может дать им тело. И между обоими, между душой сознательной и душой ощущающей, которая ведёт душевную жизнь в себе, в своих инстинктах, влечениях, страстях и импульсах, не будучи затронута душой сознательной, которая целиком и полностью господствует в её связанности с телом - между обоими живёт душа рассудочная или душа характера, живёт той жизнью, которую можно было бы соотнести с общей жизнью души примерно так, как находящийся между красным и фиолетовым зелёный цвет относится с одной стороны к красно-жёлтому, а с другой - к сине-фиолетовому. Как физик не может проникнуть в природу света, не разложив свет на цвета, так и духовнонаучный исследователь не может подойти к познанию душевной жизни человека, не разложив её на отдельные призматические лучи души ощущающей, души рассудочной или характера и души сознательной. Это разложение душевной жизни в отдельные лучи проявляется не везде, не во всех местах одинаково. И здесь вновь следует обратить внимание на то, что человек не всюду на Земле одинаковым образом идёт от жизни к жизни. Уже часто указывалось на то, что души, которые появляются сегодня, в своих более ранних жизнях проходили через, например, египетско-халдео-вавилонскую эпоху, греко-римскую эпоху, так что у них были возможности переживать различные более ранние культуры. Но в ходе исторического становления человеческая душа не всегда проявляет себя одинаково. Однако, тут надо сказать: то, как протекает жизнь души, зависело от того, какую позицию душа - будучи погружена в тело - могла занять по отношению к тем запросам, которые ей предъявляла, например, Народная Душа. Такая Народная Душа, которая существовала, например, в Древнем Египте, в древней Халдее, особенно благоприятствовала развитию человеческой души ощущающей; так что мы находим наиболее сильное проявление души ощущающей у человеческой индивидуальности в ходе древне-египетской, древне-халдейско-вавилонской эпохи. Особая форма, в которой эти Народные Души замыкались в себе и подготавливали тело, была такова, что они своим существом проникали в тело, так что у тех народов благодаря расовым особенностям конституции тела душа могла проявлять себя в нюансах души ощущающей. Так мы видим; сильнейшее, наиболее интенсивное проявление человеческой индивидуальности в душе ощущающей происходило под влиянием египетской, халдейской Народной Души. Если в историческом развитии мы поднимаемся к греческому, а потом к римскому культурному развитию, которые в известном отношении похожи, хотя, в некотором ином роде противоположны, мы найдём, что оно позволяло отдельной человеческой душе особым образом формировать то, что называют душой рассудочной или душой характера. Жизнь души рассудочной или характера отображалась в греческом искусстве, поэзии, отображалась в римской правовой жизни как в том, что зависело не от отдельной индивидуальности, но осуществлялось посредством вживания Народной Души в греческой или римское тело. Так мы, в сущности, получаем в историческом времени три эволюционных области в истории, области, резко отделённых друг от друга посредством Народных Душ: мы имеем работу египетской, халдейской Народной Души, которая для человеческой души, вновь появившейся в теле создавала особые условия для формирования её души ощущающей; в греческой и римской жизни Народные Души имели задатки, позволяющие отдельной человеческой душе проявлять свою душу рассудочную или душу характера; а сейчас мы живём в то время, - духовные исследования относят его начало к пятнадцатому, шестнадцатому веку - в которое развитие человечества имеет

возможности особенно проявлять душу сознательную. Проявление этой души сознательной благоприятствуют Народные Души современности. Однако эта эпоха, наша эпоха, должна особенно интересоваться нас. Ибо в общем задачей нашей эпохи является: сформировать, образовать душу сознательную. Это значит: Народные Души ставят себе задачу так пронизать тело, чтобы душа, живя в теле, имела возможность так связать себя с телом, чтобы она насколько возможно использовала бы это тело как служащий ей инструмент. Поэтому наше время таково, что оно смогло сформировать внешнюю науку, внешнее наблюдение. Ибо в эпоху души сознательной, когда душа в гораздо большей мере, нежели раньше, привязана к телу, возникло в нашу эпоху стремление и склонность наблюдать внешнюю чувственно-воспринимаемую действительность, с которой тело связано посредством органов чувств; возникло стремление основать науки, основать культурные течения, нацеленные преимущественно на совместную жизнь души и тела. Духовный исследователь рассматривает как нечто закономерное для нового времени развитие души сознательной, наступление материализма, рассмотрение чувственно-воспринимаемых вещей и чувственно-воспринимаемых фактов посредством тела. Но опять-таки, то, что - как я мог бы сказать - подобно основной окраске, основному цвету изливается над жизнью современных народов, проявляется в нюансах. И эти нюансы будут проявляться благодаря жизни отдельных Народных Душ этого нового времени. Здесь было бы интересно с точки зрения духовной науки поставить перед своим душевным взором, по крайней мере некоторые из этих Народных Душ.

Здесь, если мы захотим остановить свой выбор, например, на Народных Душах южных народов, мы имеем итальянскую, испанскую Народную Душу (Volksseele). Когда духовный исследователь пытается погрузиться в то, чем является существо итальянской, испанской Народной Души (Volksseele) - это реальные живые существа - он принуждён принять к сведению закон мировой эволюции, который мало известен, и мало оценен внешней наукой. Вчера на этот закон уже было указано, хотя и с иной точки зрения. Было сказано: когда человек переходит через врата смерти, то есть, в сущности, когда он вступает в сверхчувственный мир и возрождается в более высоких существах, тогда он - в связи с тем, что он пережил в жизни - стоит по отношению к этим могущественным существам так, как здесь он стоит по отношению к своим воспоминаниям. Он взирает назад на своё телесное воплощение, и это даёт ему «самосознание», подобно тому, как в телесной жизни при утреннем пробуждении погружение в физическое тело даёт ему самосознание. Так мы, поднимаясь в духовный мир, видим, как для хода времени выступают соотношения, похожие на те, которые имелись между душой и телом в пространственном мире. С нашим телом мы связаны пространственно; для нашей души обнаруживаются отношения, который носят временной характер. Мы живём - когда стали духовными после того как прошли через врата смерти - мы живём совместно с нашими воспоминаниями.

Эта совместная с воспоминаниями жизнь в духовном оказывается той же самой, как и совместная жизнь телесного с душевным в физическом мире. Это ведёт нас к закону периодизации (Gesetz der Periodizität) в духовном. Что мы испытывали сами, поднимаясь к духовному, является законом для духовных миров. Духовные существа переживают не только ту ритмическую последовательность, которую мы переживаем как последовательность между сном и бодрствованием, нет, они и в разные периоды времени переживают различные состояния сознания относительно более внутренних переживаний. Человек только тогда правильно поймёт, в чём состоит правление Народных Душ, если сможет действительно правильным образом мысленно анализировать этот закон. Если духовный исследователь изучает, например, итальянскую Народную Душу, - в случае испанской, дело обстоит похожим образом - ему открывается нечто такое, что вместе с его сознанием обращается, оглядывается назад, в древне-египетско-халдейскую эпоху. Как человек поддерживает в пробуждённом состоянии своё сознание, своё самосознание в физическом бытии посредством погружения в физическое тело, как поддерживает он своё самосознание после смерти

посредством ретроспективного взгляда на свои земные переживания, так существуют взаимоотношения между тем, что как народная душевность (Volksseeletum) погружено в итальянский народ и египетским Народным Духом (Volksgeist). Итальянский Народный Дух (Volksgeist) взирает назад на свои переживания, в качестве египетско-халдейского Народного Духа (Volksgeist), как мы при пробуждении погружаемся в тело, где мы сохраняем наше самосознание. Как следствие, закон периодизации, будучи ритмически поступенчатым, господствует между тем, что действует как Народный Дух (Volksgeist) в древне-египетско-халдейской жизни, и тем, что проявляется как Народный Дух (Volksgeist) в италийстве, итальянском начале вплоть до нашего времени. Такого рода выводы духовной науки, полученные из чисто духовного исследования вплоть до всех подробностей подтверждаются, если направить взор на ту форму, в которой проявляется Народный Дух (Volksgeist), в котором помещается (eingebettet ist) каждая отдельная человеческая душа. Но время идёт вперёд. Народный Дух (Volksgeist) не сохранил тех отличительных признаков, которые он имел в древней египетско-халдейской жизни. В ходе эволюции – на это уже обращалось внимание - душа ушла в себя, стала более внутренней, прониклась большим осознанием; вот почему природа стала выступать для неё как нечто такое, что не кажется ей столь же одухотворённым, как было в египетско-халдейскую эпоху. То, что душа могла пережить в древнем египетстве, в древнем халдействе под влиянием Народной Души (Volksseele), это она переживает как возрождение, оживление того же самого Народного Духа (Volkgeistes) итальянской Народной Душой (Volksseele), но в более углублённом виде, более внутренне. Можем ли мы уяснить себе это иначе, как обратив взгляд на величайшее творчество, величайшее созидание в итальянской духовной жизни? Разве мы не должны предположить, что созидание, которое в древнем Египте выступало как созерцание небесных тел вовне в мире, снова выступает нам навстречу в итальянской жизни, только в более внутреннем, углублённом виде, в более душевной форме, будучи в большей степени воспринято, вобрано человеческой индивидуальностью? Вот что должны мы предположить в духовной науке: в реальности же это отражено в «Божественной комедии» Данте. То, что египтянин рассматривал как всецелую одухотворённость всего мира, Данте воссоздал, но более внутренним, углублённым образом. Древняя народная душевность (Volksseeletum) возродилась снова, переживая воспоминание о более ранней эпохе. Во взаимодействии душевных существ в египетско-халдейском Народном Духе (Volksgeist) и в итальянском Народном Духе (Volksgeist) мы видим, как разыгрывается внутреннее сверхличностное сознание Народной Души (Volksseele). Новым возрождением, своего рода ритмическим повторением древнего египетского Народного Духа (Volksgeist) является итальянская Народная Душа (Volksseele). И это возрождение опять-таки - хотя и в более внутреннем, углублённом виде - является особо благоприятным для души ощущающей у отдельной человеческой индивидуальности, живущей в лоне этой Народной Души (Volksseele). Как в течение египетско-халдейской эпохи душа ощущающая могла развиваться по милости благорасположенной Народной Души (Volksseele), так душа в итальянской Народной Душе (Volksseele) переживает себя обновлённой в качестве души ощущающей, но теперь в более внутренней, углублённой форме, с новыми цветовыми нюансами. Итак, мы видим, как эта Народная Душа (Volksseele) проявляется в том, что она вызывает все силы души ощущающей у тех человеческих индивидуальностей, на которых она направлена так, как человеческая душа направлена на природу. Всё, что совершалось в Италии как величественное творчество, созидание, которое коренилось в человеческой душе ощущающей, станет понятным, если знают, как действует Народная Душа (Volksseele) в итальянском теле. Вплоть до мельчайших подробностей станут понятны и творения Рафаэля, и творения Микельанджело - насколько эти творения проистекают из творчества Народной Души (Volksseele) - если будут знать, какие нюансы должна приобретать отдельная человеческая душа под влиянием Народной Души (Volksseele).

Итальянская культура под влиянием Народной Души (Volksseele) есть культура души ощущающей. Так каждая культура Народной Души (Volksseele) имеет свою особенную миссию: так ей предназначено, как бы с особой интенсивностью, с особым динамизмом

давать возможность проявляться особенным нюансам душевной жизни. Это не имеет отношения к развитию отдельной человеческой индивидуальной души. Но качества народа, в который на определённое время вживается отдельная душа, отображается так, что они с особой интенсивностью придают особую окраску душевной жизни. Точно так же - я прошу то, что я изложил, рассматривать без симпатий и антипатий, как чисто научную интерпретацию - точно так же как в итальянской Народной Душе (Volksseele) древняя египетско-халдейская Народная Душа (Volksseele) возрождает и напечатлевает то, что она уже напечатлела раньше, - а именно, - характер души ощущающей, так во французской Народной Душе (Volksseele) проявляется эллинизм, греческое начало с романскими, римскими нюансами. Только это греческое начало, этот эллинизм проявляет себя такой форме, что душа, которая живёт в лоне французского народа как индивидуальная душа, в меньшей степени пронизывает телесность, она делает себя более свободной от телесности, чем было это в течение греческой эпохи (747 до Р.Х.-1413 по Р.Х - прим. перев). И как греческая Народная Душа (Volksseele) особо благоприятствовала проявлению души рассудочной или души характера, так и при новом возрождении эллинизма во французской Народной Душе (Volksseele) снова особенная забота проявляется по отношению к душе рассудочной или душе характера. Однако, дело обстоит так, что внутреннее состояние сознания этой Народной Души (Volksseele) основывается на том, что в сознании французской Народной Души (Volksseele) разыгрываются воспоминания, которые обращают взор назад, на то, что совершалось в греческой, в римской Народной Душе (Volksseele). Хотя это и трудно, но для правильного хода истории бесконечно важно подобным образом заглядывать во внутреннюю структуру и отличительные свойства того, что разыгрывается в народной душевности (Volkseletum), в сознании Народной Души (Volksseele). Душа рассудочная или душа характера - вот то, что особенно свойственно французской Народной Душе (Volksseele). В эллинизме она в оторванности от тела ещё формировала это последнее как внешнюю красоту, как душевное начало, которое ещё проявляется для нас в телесном. При углублении внутрь во французском элементе эта Народная Душа (Volksseele) является нам в новой форме. То, что является народностью (Volkstum), не идёт дальше, чем непосредственная форма тела, пространственная форма, - что имело место в скульптуре у греков, - но оно проявляет себя в эфирном теле, которое остаётся лишь телом мысли, которое представлено лишь внутренне. На это, в сущности, опирается весь основной характер французской Народной Души (Volksseele). Она принимает в своё лоно человеческую индивидуальную душу, чтобы последняя чувствовала себя вынужденной так развивать свои внутренние силы, чтобы они мощно манифестировали себя во внешнем мире. Насколько сильно представляет себя человек во внешнем мире? Если Народный Дух (Volksgeist), - как было это случае эллинизма, - не способен пластически, в скульптуре проявить то, что из духа переходит в тело, то он приходит всего лишь к образу того, что человек формирует в своей фантазии из того, что существует в теле как дух. Вот почему французская Народная Душа (Volksseele) может создать себе лишь внутренний образ человека, ей свойственно ставить главным образом на то, что человек как имидж рисует о себе в мире, нежели на то, что он собой представляет, чем он хочет быть в мире; ставить на то, что человек всегда называл своей славой, глорией, на то, что человек несёт о себе самом в своей фантазии.

Таков основной характер французского начала, исходящий из его Народной Души (Volksseele). Поэтому у этого французского начала, у этого галликанства, дело в том, чтобы устремить в мир те представления, которые создавала Народная Душа (Volksseele) в фантазии отдельного мыслителя, отдельного ума. Так душа рассудочная или душа характера работает в образах, которые она создаёт в отдельных индивидуальностях. Поэтому мы смеем предположить, что особое величие, которого может достичь отдельная душа под влиянием Народной Души (Volksseele) обнаруживается в том, в ком эта Народная Душа (Volksseele) может особенно развить душу рассудочную или характера. Она, совершенно особенно проявляет себя в творчестве отдельных человеческих душ, которые являются для неё инструментами, в которых оживлённый

рассудком характер, нрав углубляется в мировые явления. Этот оживлённый рассудком характер, нрав, имеет тенденцию, отличительное свойство делать себя свободным, распорядиться и мыслить свободно. Это особенно обнаруживается в той области, где человек свободно оперирует с рассудком, с характером. Поэтому французская культура поднимается на высоту там, где вышесказанное особенно имеет место: с одной стороны в Мольере, с другой - в Вольтере; в Вольтере это сухой рассудок проникнутый чувством, нравом, в Мольере - это чувство, характер, несомый рассудком. Тут Народная Душа (Volksseele) выявляется для нас в её особенно характерных чертах, тут мы всматриваемся в проявления этой Народной Души (Volksseele) которые мы только что обсуждали, которые дают то, что отдельная индивидуальная душа может развивать как свою окраску. А насколько, при всём том французская культура является чем-то вроде ретроспективного воспоминания об эллинизме, может достаточным образом изучить каждый, кто хоть немного знаком с внутренним ходом французской культуры.

Посмотрим в этом отношении на французских поэтов как на оттенки французской Народной Души (Volksseele) и мы найдём повсюду, что эта Народная Душа (Volksseele), - не отдельный француз, - оглядывается назад к эллинизму, греческому началу. В том, что отдельный француз делает, пишет стихи или мыслит, выражается этот ретроспективный взгляд назад, к эллинизму. Они смотрят назад и всегда задают вопрос: что делали греки, чтобы написать настоящую драму? Что говорил Аристотель о том, как должна создаваться настоящая драма? Тут возникают дискуссии о единстве драмы со временем и местом. Это ретро воздействие оказывается даже на Лессинга. Драму хотят сделать так, чтобы она соответствовала идеалу греческой драмы. Можно было бы сказать: то, что поистине ощущает духовный исследователь, обнаруживается вплоть до отдельных нюансов. Грек говорил о греке - то есть, если он говорил о себе - так, что он вполне осознанно представлял себя в качестве представителя человечества. Все другие были для него «варварами». И для грека это было особенно оправдано, так как он в идеальном смысле овладел проникновением духа во внешнюю форму. Но это возродилось в ретро воспоминании во французской Народной Душе (Volksseele). Оно словно выплыло на поверхность, но поскольку это именно «воспоминание», а не каждое воспоминание правомерно, - ведь всплывают и такие воспоминания, которые больше не вполне правомерны, - оно стало неуместным, неправомерным. Вплоть до расхожего слова «варвары», которое сейчас на устах всего мира, видим мы возрождение эллинизма во французской Народной Душе (Volksseele).

Как французская Народная Душа (Volksseele) особенно благоприятствует заботе о культуре души рассудочной или характера, так на британскую Народную Душу (Volksseele) возложена особая задача заботиться о душе сознательной, как таковой. Образование души сознательной вступило в человеческую эволюцию как нечто, не являющееся повторением. Итальянский Народный Дух (Volksgeist) повторяет в ином виде переживания египетско-халдейского Народного Духа (Volksgeistes), французский Народный Дух (Volksgeist) точно так же повторяет греко-римское. Британский Народный Дух (Volksgeist) в эволюцию нового времени вступает как нечто новое: он самым радикальнейшим образом является выражением нового времени, поскольку последнее показывает, как душа должна когда-либо пройти ту стадию, на которой она должна проникнуться жизнью тела, телесной жизнью. Британский Народный Дух (Volksgeist) имеет задатки к тому, чтобы в высшей степени благоприятствовать совместному с телом бытию; поэтому он благоприятствует также и тому, что сообщается посредством тела и что особым образом может войти в душу через тело. И с этой миссией по заботе о душе сознательной связана миссия материализма, которая должна была когда-либо вступить в эволюцию человечества. Можно сказать, что британскому Народному Духу (Volksgeist) поручено особенным образом выражать материализм. Отдельная человеческая душа остаётся, более или менее независимой от этого, но характер Народной Души (Volksseele) таков. Мы ещё вернёмся к отличительным свойствам британской Народной Души (Volksseele); но мы должны, чтобы осветить то, какие задачи относятся к этой

Народной Душе (Volksseele) бросить взгляд на ту Народную Душу (Volksseele), которая правит в Средней Европе, которую называют немецкой Народной Душой (Volksseele). Немецкая Народная Душа (Volksseele), немецкий Народный Дух (Volksgeist) призван к тому, чтобы не возвышать ни душу ощущающую, ни душу рассудочную или характера, ни душу сознательную; нет, немецкая Народная Душа (Volksseele) особо предназначена к тому, чтобы осуществить выражение того, что можно назвать единством души, которая живёт во всех трех душевных членах. Я говорю это поистине не ради того, чтобы отпустить похвалы какому-либо народу; нет, я говорю без симпатии и антипатии, со всей объективностью, поскольку это данные духовнонаучного исследования, подобные данным эксперимента с призмой, когда свет раскрывается как красный или зелёный. Это объективный факт; как итальянская Народная Душа (Volksseele) благоприятствует душе ощущающей, французская Народная Душа (Volksseele) благоприятствует душе рассудочной или характера, британская Народная Душа (Volksseele) благоприятствует душе сознательной, так немецкая Народная Душа (Volksseele) благоприятствует «я» человека, то есть тому, что проявляет себя в земной жизни как индивидуальное душевное ядро человека, что соединяется и с любовью погружается в тело при пробуждении и снова высвобождается от телесной жизни при засыпании; что хочет быть другом, попечителем того, что выступает нам навстречу во внешнем мире, но что хочет также быть другом и попечителем того, что поднимается к духу. Поэтому я в первой лекции смог сказать: немецкая Народная Душа (Volksseele) - это то, что по большей части даёт отдельному индивидууму, отдельной душе возможность погрузиться во все глубины «я», где человек может искать то, что движет человеческим сердцем, что несёт человеческому сердцу боль или ведёт к блаженству. С этим связано то, что эта немецкая Народная Душа (Volksseele) легко может оказаться непонятой, понятой неправильно; с этим связано то, что, собственно должно быть понято: что в современности такое непонимание идёт навстречу тому, чем является эта немецкая Народная Душа (Volksseele), которая, - в отличие от британской Народной Души (Volksseele) – не проявляет себя во внешнем теле, не отдаётся миссии материализма, ибо это совершенно не соответствует её природе; но которая, с одной стороны, столь же занята рассмотрением внешнего материального мира, которого она не избегает, с другой стороны она предаётся рассмотрению духовного начала, для того, чтобы черпать из тех глубин, из которых черпали Мейстер Экхарт, Якоб Бёме, Гёте, Фихте - черпать то, что может быть почерпнуто из духовного мира как в диалоге, таком же, как и в том случае, когда человек ушёл из внешнего мира и находится наедине с самим собой. Поэтому можно сказать: даже если индивидуальные души, которые находятся в лоне других Народных Душ (Volksseelen) будучи в отрыве от душевного начала своего народа ещё могут погрузиться в то, что является духом, то немецкий дух (мыслящий ум, мыслитель) уже посредством самого этого душевного народного начала (Volksseeletum) всегда способен подняться в духовные регионы. У других народов индивидуальные души должны вырасти из душевного народного начала (Volksseeletum), перерасти его, выйти за его пределы, если они хотят возвыситься до диалога с духовным миром; тогда как это немецкое душевное народное начало (Volksseeletum) само содержит звучание духа, возвещает о духе, когда оно говорит с индивидуальной отдельной средневропейской душой, душой из населения Средней Европы. И поскольку Народные Души (Volksseelen) проявляют себя в характерных феноменах, поскольку они выступают нам навстречу там, где они всецело пронизывают человека, избирают, облюбовывают человека в качестве своего инструмента, чтобы совершить нечто характерное, то мы можем на таких примерах особым образом изучать существо народной душевности (das Wesen des Volksseeletum). Если мы исследуем поступательное продвижение, прогресс народной душевности, душевного народного начала (Volksseeletum), то, как свидетельство, подтверждение явится нам то, в чем выражают себя характерные симптомы и силы Народной Души (Volksseele). Несомненно, если человек рассматривает отдельные, единичные Народные Души (Volksseelen) на их высоте, он должен тогда изучить характерные черты этих Народных Душ (Volksseelen).

Едва ли можно сомневаться в том, что в случае британской Народной Души (Volksseele) в качестве её характерного внешнего выражения, в качестве её величайшего феномена перед нами предстает своеобразное сочинение Шекспира «Гамлет»; тогда как в случае немецкой Народной Души (Volksseele), как результат интимнейшего диалога немца с немецким Народным Духом (Volksgeist) нам предстаёт «Фауст» Гёте. Насколько характерна разница между шекспировским «Гамлетом» и гётевским «Фаустом»! Конечно, мне нет необходимости говорить о величии Шекспира и шекспировского «Гамлета»; это величие предполагается заранее и никто не поставил бы шекспировского «Гамлета» выше, чем я сам. Но о происхождении Гамлета из британского Народного Духа (Volksgeiste) мне хотелось бы сказать следующее. Каким образом выступает нам навстречу Гамлет?

Мы говорили, что миссией британского Народного Духа (Volksgeistes) должно было являться введение души сознательной, связанной с внешней телесностью во внешнее историческое развитие. В последнее время появилась опубликованная мной книга «Загадки философии» в качестве второго издания моей книги «Миро- и жизневоззрения в 19 столетии». Эти «Миро-и жизневоззрения» появились уже четырнадцать, пятнадцать лет тому назад: сейчас они существенно расширены и охватывают все философии западных стран. Тогда, при первом их появлении, я попытался описать английскую философию, найти наиболее характерное выражение, слово, которое бы, совершенно особенным образом характеризовало английскую философию; и тогда как наиболее характерное выражение для английской философии мне представилось выражение «философия зрителя». «Зрителем» человек становится благодаря тому - особенно это изложено у Джона Стюарта Милля - вследствие того, что человек со своей душой погружён в тело, и, исходя из тела, предоставляет миру разыгрываться вокруг него. Сравним с этим философию Фихте; это не «философия зрителя», она является «жизненной философией», тем, что не разглядывает жизнь, но составляет единство с жизнью. В этом состоит колоссальное различие немецкой и английской философии: следствия воздействия британской Народной Души (Volksseele), таковы, что она делает человека зрителем, ибо она особенным образом благоприятствует ему в формировании души сознательной. Человек здесь, если он особенным образом вырабатывал душу сознательную, остаётся за пределами явлений; он смотрит на них как может человек через тело глядеть на эти явления. Шекспир особенно велик в том, что он издалека, как объективный наблюдатель противостоит жизни, противостоит феноменам жизни и описывает эту жизнь так, что мы видим: он описывает её как зритель, он пишет о том, что он переживает с помощью объективного взгляда, направленного вовне. Мироззрение зрителя, исходящее от Народной Души (Volksseele)! Верно то, что если индивидуальный человеческий дух (ум), дух души сознательной с этими особыми свойствами, полученными от Народной Души (Volksseele) подступает к внутреннему миру человека, то он видит его внешне, видит, что там разыгрывается. Во внутренний мир он не вступает! Особо характерно то, что он не приближается к внутреннему. Он велик в изображении, где разыгрывается внешняя жизнь, Шекспир гигантски велик в этом. Но когда он подходит к тому, через что внешняя физиогномика смотрит на внутренний мир, он исходит из того, что может дать позиция зрителя. Тут мы видим как, будучи отражена в художественном величии, - исходя из британского Народного Духа (Volksgeist) - эта точка зрения зрителя по отношению к внутреннему миру предстаёт так, как предстаёт и сам Шекспир, скептически настроенный по отношению к духу. Поэтому не является умалением достоинств Шекспира, если говорят, что дух у него предстаёт как нечто призрачное. Тут мы видим, как духовное проявляется во внешнем: призрачно. Обратите внимание на то, как является дух отца Гамлета: он, в сущности, является не как дух, а как призрак. Верящий в призраков, есть, по сути, спиритуальный материалист; он хотел бы этот дух видеть как материалист, который требует от духа, что тот должен выступать перед ним в какой-нибудь тонкой материи. Так в «Гамлете» мы видим, что дух отца Гамлета выступает в такой призрачной форме. Это ведёт к заблуждению относительно того, какое выражение имеет выступление духа. Но поскольку материалистический ум (дух) способен

переживать лишь до уровня призрака, постольку вообще все учение о духах вводит его в заблуждение. Поэтому мы видим, что, в то время как прежде все видели дух, при разговоре с матерью, например, лишь один Гамлет видит дух. Пусть дух и является объективным феноменом, но является он как чисто субъективный призрак. Вот так этот человек-зритель взирает на то, что должно быть внутренним; у Гамлета должен быть такой характер, который глядит на то, что происходит во внешнем мире, и мы принимаем от Гамлета тот великий, классический монолог, в котором перед духовным миром ставится вопрос: «быть или не быть?» , что следует после смерти? – «умереть, забыться, заснуть и видеть сны?» «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?» Затем снова сомнение: еще ни один странник не возвращался из той страны, в которую идем мы, умерев - всё это изложено полностью в той форме, как это представляется материалистическому уму, когда он хочет проникнуть глубже в духовный мир, но не может. Поэтому все те, кто настроен идеалистически или подобным образом, не расположены к тому уму, который чувствует внутреннее родство с Гамлетом. Герман Гримм однажды сказал об этом - и для многих сказанное правильно - что люди, столь глубоко погружающиеся в вопрос об их собственном духовном состоянии, чувствуют себя как на краю пропасти и ощущают, что они, как Гамлет должны были бы обрушиться в эту пропасть. – Так отвечает тот, кто, подобно Шекспиру, был инспирирован Народной Душой (Volksseele); но со своей душой он настолько вырос из Народной Души (Volksseele), что хотел отобразить одухотворение этой Народной Души (Volksseele); так он, исходя из Народной Души (Volksseele), отвечает, поставив перед нами характер Гамлета таким образом, как будто мост в духовный мир разрушен, и пропасть между Гамлетом и духовным миром наполняется одной неизвестностью за другой. Даже там, где с высоким художественным совершенством, которое, в своём роде не было достигнуто ею самой, британская Народная Душа (Volksseele) говорит нам, указывая на свою миссию - наблюдать внешнее и останавливаться перед пропастью сверхчувственного.

Перейдём теперь, - для того, чтобы на примере отдельных феноменов характеризовать ярко выраженную углублённость немецкой Народной Души (Volksseele), которая особенно благоприятна для жизни «я», для единства души, - перейдём теперь к «Фаусту» Гёте. Чувствует ли здесь себя душа на грани пропасти, в которую должна обрушиться? Нет! Тут нам навстречу выступает Фауст, у которого нет сомнений в духовном мире, но который, страстно устремляясь за пределы всей чувственно-воспринимаемой и исторической реальности, которую он уже испытал, глаза в глаза противостоит Духу; Фауст, которому является Дух, и для которого нет сомнений в том, что человек, погружённый в загадочные вопросы бытия, не может погибнуть, но, пройдя над пропастью должен обрести соединение с Духом. Сравним все колебания, стояние Гамлета над пропастью, что выражено в великом монологе «быть или не быть» с вопросом о духовных далях – «заснуть и видеть сны» - сравним это с тем, к чему приходит Фауст в первой части поэмы, когда он противостоит Духу:

«Могучий Дух, Ты всё мне, всё доставил

о чём просил я. Не напрасно Ты

Свой лик явил мне в пламенном сиянье...»

и потом;

«затем приводишь Ты меня в пещеру

и там мне самого меня являешь

и тайны, скрытые в груди моей,

как чудо раскрываются в глубинах...»

«Фауст» часть 1 сцена 14. Лес, пещера

Вот единение с Духом! При таком единении, при таком созерцании Духа может ли иметь место вопрос: «заснуть и видеть сны»? Нет, не может. Только во второй части поэмы есть полное, исполненное духом проникновения Фауста в духовный мир и уверенность – которую еще надо достигнуть, - что человеческий дух, проходя через смертные врата, объединяется с духовным миром. Тут налицо уже не неясный вопрос: «быть или не быть?», тут налицо уверенность, что душа в этом мире, здесь, уже является гражданином духовного мира и что она, проходя через врата смерти, - душевные глаза в душевные глаза, - противостоит великому Духу, который даёт нам всё, что ни попросим, если мы в жизни достаточно углублялись в Него. Но это уже не призрачное созерцание мира духов, которое мы видим в сцене «Кухня ведьмы», где с юмором, с уместной иронией действуют призрачные существа. Здесь Дух, который выступает навстречу Фаусту, - Мефистофель, - мыслится не как призрак, но так, что его нельзя представить иначе, как только в человеческом образе. Как было бы неумно, если бы этот дух (Мефистофель) как отец Фауста был виден только одному человеку, или то был бы виден, то снова не виден! Это указывает на то, что в «Фаусте» мы стоим на надёжной почве.

Такие образы, как встречающиеся в «Фаусте», живут, исходя из Народного Духа (Volksggeist), исходя из Народной Души (Volkseele) . В гётевском Фаусте человек имеет всего лишь отображение того, что, собственно происходит. Но когда Гёте создавал своего «Фауста», действовала Народная Душа в целом: она создавала себя в книге, создавала не только то, что жило в Гёте, но то, что жило в духовном. И Фауст Гёте является лишь отображением творения немецкой Народной Души, парящей в духовном, Народной Души (Volkseele) , которая ещё только начинает действовать, о чём Гёте очень хорошо знал. Фауст для нас является тем, о чём мы знаем: это отображение непобедимой силы, отображение существа, которое живёт навстречу будущему. Поистине Гёте создал Фауста как некий зародыш; в немецкой Народной Душе (Volkseele) покоится сила, зародышевая сила, которая должна действовать всё дальше, должна развиваться, которая должна будет являться нам также и как Фауст, как тот, кто всегда должен стремиться, у которого все стремление только в начале.

Чтобы указать на наиболее характерные черты немецкого Народного Духа (Volksggeist), пусть будет упомянуто одно его отличительное свойство. Я говорил: если мы рассматриваем французский Народный Дух (Volksggeist), то мы видим что он является ретроспективным воспоминанием о древнем гречестве, эллинизме. Это ретро воспоминание есть нечто такое, что можно увидеть в каждой части французской культуры, но что действует под порогом сознания, что в сознание не проникает. Французский Народный Дух формирует отдельную душу так, какой она должна быть под влиянием этого ретро воспоминания; но в сознание это не вступает. Если же он (Народный Дух) действует на отдельную человеческую душу так, чтобы «я» несло характер «я», то тогда, - поскольку человек может охватить этим «я» лишь душу ощущающую, душу рассудочную или характера и душу сознательную, – тогда то, что проявляется как гармония отдельных членов души, вступает в сознание, в то время как сущность воспоминания такова, что она связывает Народный Дух (Volksggeist), с более ранней культурной эпохой. Мы видим, как совершенно иным образом, нежели у французов, эллинизм достойным внимания образом выступает в немецком Народном Духе (Volksggeist). Если бы эллинизм хотел в особо характерном месте вступить в немецкий Народный дух (Volksggeist), и был должен посредством такого вступления влиять на отдельный индивидуум, тогда на сознательном уровне должно было бы происходить то, что в случае французского начала может происходить лишь бессознательно и может реализовываться лишь на уровне художественной дискуссии, дискуссии об искусстве. В случае же немецкого Народного Духа (Volksggeist), который

является отражением того, что глубоко исторично, что должно вступить в сознание человека, особенным образом инспирируемого Народной Душой (Volksseele). Мы видим, как во второй части «Фауста» - в связи Фауста с Еленой на физическом плане, в сознании - выступает соединение с эллинизмом! Это не просто вступление в душу рассудочную или характера; это вступление в «я». Фауст со всем своим человеческим началом встречается с эллинизмом. Он сознательно празднует гармонию с более ранней эпохой. Само собой разумеется, что я могу давать лишь отдельные пояснения. Но вся история освещается светом, если мы рассматриваем таким образом правление Народных Душ (Volksseelen), которые текут и подобно волнам волнуются в изменчивых событиях человеческой истории. Если мы снова сопоставим немецкий и британский Народный Дух (Volksgeist), то сможем привести некоторые феномены, которые показывают с одной стороны «я»-характер немецкой Народной Души (Volksseele), и характер души сознательной для британской Народной Души (Volksseele) с другой стороны. Этому способствуют особенности нового культурного развития. Моей собственной задачей является - показать, как у Гёте из глубин человеческой души родилось эволюционное учение, как из глубины своего «я» он пытался отобразить всю последовательность организмов в их переходе от простейших к самым совершенным. То, как представлял это Гёте, то, как истинное естествознание родилось из гётевской души обязано своим происхождением тому, - можно сказать - тому «Разговору Гёте с немецкой Народной Душой», и как вследствие диалога с британской Народной Душой возникло нечто иное. Поскольку Гёте глубоко погружался в суть вещи, чтобы из человеческой души развить эволюционное учение, постольку эта гётевская форма учения об эволюции, рождённая на основе культуры «я», для многих осталась непонятой; быстро распространиться она не могла. В 19 столетии британский Народный Дух выработал эволюционное учение, и то, что Гёте извлекал из глубин своего «я», британский Народный Дух извлёк из души сознательной как внешнюю «борьбу за существование» в дарвинизме. То, что представил Гёте, развиваясь внутренне, дарвинизм изобразил внешне; и поскольку мы уже живём в эпоху материализма, культурное человечество в общем с малой охотой принимало извлечённое из глубин «я»-культуры эволюционное учение Гёте, но куда охотнее приняло учение, которое извлёк из британской Народной Души Дарвин. В некотором смысле сегодня мы стоим в некоей средней точке этого отвержения культуры «я», а именно отталкивания того, что подвергается надругательствам со стороны считающих себя специалистом в этой области. Ибо Гёте создал учение о цвете, хроматику, которую понимает только тот, кто рассматривает это учение, исходя из характера человеческого «я». Однако человечество отклоняет это происходящее из глубин «я»-культуры учение Гёте о цвете, гётевскую хроматику и принимает более материалистическое учение о цвете Ньютона, инспирированное британским Народным Духом из души сознательной. И всё же наступит время, когда люди научатся признавать, что в Гёте заложено многое, что люди еще должны будут принять. И только в скобках позвольте мне сказать: некоторые отдельные личности шли на то, чтобы отсылать назад ордена и почётные регалии; но истинное достоинство будет обретено лишь тогда, когда не только ордена и регалии отошлют обратно, но и эту материалистическую форму учения о цвете британской Народной Души (Volksseele) тоже отправят назад. Тот, чья Народная Душа (Volksseele) инспирирует так, что её инспирации подобны диалогу Народной Души (Volksseele) с самим человеческим «я», тот живёт так, что в важнейшие моменты своей жизни он осознаёт, что надо действовать в защиту какого-либо тезиса, отстаивать какой-либо тезис во внешней жизни. Так и Гёте отстаивал некое содержание, которое в его интуиции пришло к нему в душу, когда он основал свою эволюционное учение. Но тот, кто смотрит на мир не из глубины своего «я», а лишь из души сознательной, - внешне - тот видит во внешних событиях только «борьбу за существование». Каждый смотрит на внешнее из своей внутренней природы. Теперь каждый может представить себе, чем могли быть нынешние события для тех, кто может получать инспирации от немецкого Народного Духа и для тех, кого инспирирует британский Народный Дух. Этот последний Народный Дух говорит о борьбе за существование. И в то время как немецкий Народный Дух инспирирует так, что человек видит в противнике «врага», которому человек противостоит

на равных, как на дуэли, то с точки зрения того Народного Духа, который в науке инспирировал термин «борьба за существование», такая борьба на внешней арене рассматривается как «конкурентная борьба».

В первой лекции я, по крайней мере, несколькими словами пытался указать на то, что может выступить нам навстречу в русской Народной Душе (Volksseele). Сегодня уже нет времени, чтобы подробнее рассмотреть эту Народную Душу (Volksseele): тем не менее, значительное в этой Народной Душе (Volksseele) надо всё же отметить. Её отличительная черта, которая сразу же бросается в глаза, это то, что она, в сущности, менее всего приспособлена к тому, что она делает теперь: к внешней борьбе, к внешней войне. Есть одна характерная книга, уже упоминавшегося здесь Мережковского (Д.С.) «Грядущий хам»*(статья о Св.Софии не входит в саму книгу «Грядущий хам», но входила в сборник изданный под этим названием, которое в Энциклопедии Духовной Науки неверно-буквально переведено как «Поход черни» -“Anmarsch des Poebels” , а также в сборник под названием «Не мир, но меч» - примеч. перев.) В конце этой книги есть высказывание о впечатлении, которое автор получил от Хагия София, Святой Софии, огромного Собора в Константинополе (Стамбуле). В описании этого впечатления содержится настроение, которое должна иметь русская Народная Душа (Volksseele), если она понимает самое себя; и Д.С.Мережковский заканчивает тем, что он, полностью предавшись этому впечатлению, этой Софийской мечети (Sophien-Moschee) обретает молитвенное настроение; он пытается молиться за свой народ:

Святая София, ясная и грустная, полная янтарным светом последней тайны, поддержала мою падающую, испуганную душу. Я смотрел на свод, подобный небесному своду, и думал: ведь вот есть же она, человеческими руками созданная, она — человеческое приближение к Троиному Богу на земле. Это было — и будет больше этого. Как не придут к Отцу-миру истинно верующие в Сына? Как не придут к Сыну любящие мир, который и Отец так возлюбил, что Сына отдал за него? А они душу свою кладут за него и за друзей своих. У них есть уже Сын, если есть любовь. Они только имени не знают.

И мне хотелось молиться за всех, молиться в этом, до срока языческом, но единственном храме будущего о даровании моему народу истинной, побеждающей силы: сознательной веры в Бога триединого.

Так как мы для немецкого Народного Духа, посредничающего в его представителях, обращаем внимание на Фауста, как на того, кто находится в середине становления, так взираем мы на русскую Народную Душу (Volksseele) как на нечто ожидающее того, что должно прийти. Всё настроение людей может быть здесь только взглядом вверх, в будущее, к благу, ещё не обретенному в современности. Но затем, когда эта русская Народная Душа (Volksseele) осознает, что живёт в ней и что ещё покоится в глубинах её природы, она тогда будет знать, что выполняет свою миссию, развиваясь внутренне, развивая внутренний мир, что она, в сущности, наилучшим образом выполняет свою миссию тогда, когда совершает завоевания во внутреннем мире, внутренние завоевания, выводя наружу то, что находится в её глубинах, и что, разумеется, когда-нибудь будет иметь большую ценность для общечеловеческой культуры. Нельзя бесцеремонно называть её варварской; эта Народная Душа (Volksseele), которая только позднее станет тем, чем она должна стать, которая сейчас ещё находится в детском возрасте. Я знаю, как несовершенна эта характеристика русской Народной Души (Volksseele), поскольку я из-за недостатка времени смог описать её лишь парой слов. Но надо сказать: когда эта русская Народная Душа (Volksseele) внешним образом выражает то, чем она является сейчас, если она выражает не то исполненное ожидания настроение - которое Д.С.Мережковский изображает как настроение молитвы, - настроение, покоящееся в глубинах Народной Души (Volksseele), - тогда она является тем, что становится лишь источником помех в развитии духовной культуры и общечеловеческой культуры вообще.

Если она обращается на внешнее, то проявляется так, как если бы она совершала нечто противоположное тому, что ей, в сущности, подобает. Поэтому ощущение, которое мы имеем, когда смотрим на Запад таково: современные события столь страшны, и они с необходимостью выступают из этих западных Народных Душ (Volksseelen). По отношению к русской Народной Душе (Volksseele) мы, напротив, имеем ощущение, что этому народу, этой Народной Душе (Volksseele) наименее всего подобает обращаться против западных Народных Душ (Volksseelen), которые, в сущности, должны быть её наставниками, если она правильно понимает себя. Лишь оттого, что в последние годы было мало понято то, о чём здесь идёт речь, переоценивалось то, что приходило с этой стороны. В характеристики Народных Душ (Volksseelen) можно было бы зайти гораздо дальше. Так можно было бы сказать: человеческая душа, постигающая, охватывающая себя в «я» внутренне связана с тремя душевными членами – душой ощущающей, душой рассудочной или характера и душой сознательной; как только она, эта индивидуальная душа оказывает сопротивление влияниям этих трёх душевных членов, так скоро эти три душевных члена восстают против неё. Как отдельная индивидуальная душа отображает нам отношения между тремя душевными членами и человеческим «я», так же выражаются для нас отношения отдельной европейской Души к общеевропейской Душе. Внешние события являются только проекцией того, что можно найти в человеческой душе как борьбу душевных членов против «я». Однако, это «я» погружает себя в отдельные члены души, ставит себя в отношение к ним; и мы также и тут можем посредством внешних фактов найти подтверждение того, о чём повествует нам духовная наука с помощью внутреннего исследования. К душе ощущающей «я» склоняется так, что томится тоской по оплодотворению, по насыщению себя соком переживаний души ощущающей; так мы видим как из Средней Европы немецкая Народная Душа (Volksseele) погружается в итальянскую душу ощущающую. Это мы можем проследить через всю историю; возвращаясь до Дюрера и других художников, мы видим, как они погружаются в итальянскую Народную Душу (Volksseele). Далее мы можем наблюдать, как Гёте мог обрести счастье не раньше, чем исполнилось его страстное томление по Италии. Это, с одной стороны замена «я» душой ощущающей, и, с другой стороны, замена немецкой Народной Души (Volksseele) итальянским Народным Духом. Исследуя историю дальше, мы находим, как отдельное «я» должно дискутировать с душой рассудочной или характера. Вы только посмотрите, как вплоть до нового времени развивалась дискуссия, полемика между немецкой Народной Душой (Volksseele) с французской Народной Душой (Volksseele); взгляните, как Лейбниц, немецкий философ, пишет свои труды на французском языке, и как основатель Прусского величия Фридрих Великий любил почти исключительно французскую культуру. Это может показать нам как немецкий дух действительно склонен быть интернациональным, вживаться во все отдельные национальности. И поскольку основным его характером является - проявлять себя во всём, - так видим мы его в дискуссии с британской Народной Душой (Volksseele), в том, что она до сих пор не приняла эволюционное учение Гёте, но приняла дарвинизм, и, точно также не приняла гётевское учение о цвете, хроматику, но учение Ньютона. На этом примере можно видеть, как глубоко немецкий Народный Дух связан с британским. Если, напротив, сегодня британское настроение обнаруживает особую озлобленность по отношению к немецкой существу, то ему, исходя из глубин немецкой Народной Души (Volksseele) нельзя было бы отвечать подобной ненавистью, которую он, британский Народный Дух несёт навстречу немецкой Народной Душе (Volksseele); он ненавидит из чистого материализма. На этой точке зрения немецкая Народная Душа (Volksseele) не будет останавливаться: она должна вести полемику с материализмом. В настоящее время она будет вести с ним полемику посредством внешнего вооружённого насилия в той борьбе, которая ей была навязана; а в будущем она будет дискутировать с ним, высвобождая спиритуальное, духовное начало в эпоху материализма. Так смотрим мы, исходя от внешних событий, на то, что раскрывается из Средней Европы.

Я не считаю, что нет необходимости так углубляться в основную природу Народных Душ (Volksseelen). Ибо мне кажется, что из этого освещения Народных Душ (Volksseelen)

может струиться свет, который внесёт ясность в то, что выступает сегодня навстречу в великих судьбоносных событиях. Можно шаг за шагом ощутить современные события как необходимое следствие взаимоотношений Народных Душ (Volksseelen), если мы углубимся в эти Народные Души (Volksseelen); а понимание событий ведёт к истинному согласию. И если верно то, - а это без сомнения верно! – что события, которые мы переживаем вовне на Западе и на Востоке, таковы, что мы можем сказать о них: они должны - поскольку они столь могущественны - вести к новой эпохе, которая разовьётся из современных событий; это будет новая фаза человеческого духа, ибо новая фаза человеческого духа может быть завоёвана с такими огромными жертвами; насколько это верно, настолько верно и то, что мы должны верить, что кое-что из того, что до сих пор достигалось малыми жертвами, в будущем будет достигаться большими жертвами. Ибо жертва духовной науки, на которую я указывал вчера в связи с развитием человеческой души, является поистине большей, нежели все жертвы, которые проносятся во внешних экспериментах и внешних наблюдениях. Надо думать о том, чтобы опыт другой науки, который будет завоёван посредством большой жертвы, должен примкнуть к тому, что, хотя и со славой, но и с болью происходит теперь. И если я во вчерашней лекции решился обратить внимание на то, как силы тех непрожитых жизней, которые теперь приносятся в жертву, соединятся с существами духовного мира, и их силы будут ниспосылаться в тот мир, в котором разыгрываются исторические события, то да будет позволено сегодня эту картину, - которая соответствует реальности, - дополнить словами: да, мы живём в то время, когда первые зачатки новой Мировой Сущности человеческого духа с его эволюцией должны быть обретены из крови и смерти, из опасности и страдания; но те, кто призван действовать, будут в будущем знать, как правильно приносить свою жертву, если они смогут взглянуть вниз, на человечество, кто поймёт, как достойным образом пережить время надлома. И если тот, кто вызывает в нашей современности кровь и смерть является Народным Духом, то будет и тот Народный Дух, который в новое время, начавшееся вследствие этого, будет требовать новой формы жизни. Будут востребованы те из нас, - это будет ощущаться человечеством будущего, - кому свои юные душевные силы пришлось высвободить из своих тел ради стимулирования нового человечества. Однако те, кто сохранит свою жизнь и своё здоровье, должны будут почувствовать, что Дитя человеческой духовной жизни, рождённое из ран, крови и смерти, нуждается в опекунах, воспитателях, которые сумеют правильным образом воспринимать инспирации Народной Души (Volksseele). Никто не поймёт немецкую Народную Душу (Volksseele), если не поймёт её языка, её речи. Этот язык не будет языком внешней материальной жизни, этот язык будет языком духа. Так сущность времени, которая рождается из крови, ран и смерти, могла бы встретиться с человечеством, которое вследствие сильного, мощного раскрытия человеческой духовной силы достойным образом доказало бы свою способность стать опекуном с таким трудом завоёванной, с таким трудом достигнутой жизни времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мережковский Д.С.

«СВ. СОФИЯ»

Теперь, когда мы так заняты Дальним Востоком, может быть, особенно любопытно вспомнить о месте первого соприкосновения Запада и Востока, о «вратах Востока» — Константинополе.

Но, признаюсь, я поехал в этот город не столько с мыслью о Дальнем или Ближнем Востоке, сколько с желанием увидеть храм — христианский ли, нет ли — не знаю, но храм Бога живого и прекраснейшее из всех зданий, построенных людьми и доньше уцелевших (Парфенон почти разрушен) — храм Святой Софии, Премудрости Божией.

Тем, у кого не много денег и сил физических, лучше не предпринимать этого путешествия. Оно утомительно и дорого.

Прежде всего, переезд по Черному морю. Я ехал в конце мая, но качало так, что больны были все, не только слабые европейцы, но и семижильные азиаты, и даже пароходный механик, и даже пароходный петух. Длилось это 36 часов подряд — от Херсонесского маяка (около самого Севастополя) до входа в Босфор. А когда мы, наконец, остановились в мутных, но слава Богу, тихих водах Золотого Рога, на нас напала дикая, поистине разбойничья, орда носильщиков, лодочников, таможенных чиновников, гостиничных комиссионеров, монахов, драгоманов, полицейских — турецких, армянских, греческих, анатолийских — и всякой прочей христианской и языческой международной сволочи.

Все они смотрели на нас и на наше имущество, как на свою законную добычу, и тащили, и рвали ее на части со зверскими лицами, с бессмысленной дракой, с бешеным воплем, с исступленной руганью. С этого мгновения началось бесстыдное грабительство, в виде мошеннических, но неизбежных цен и еще более неизбежных «бакшишей» (турецких «начаев»), грабительство, которое длилось непрерывно до нашего отъезда. Нас грабили мусульмане, грабили христиане, грабили европейцы всех наций, грабили русские, служащие в посольстве (эти последние, кажется, хуже всех). Мы давали, давали... а радостей получали мало, да и полученные были сомнительны.

Любопытно, конечно, взглянуть на безобразно-животную восточную грязь, человеческую и собачью (собак едва ли здесь не больше, чем людей), заливающую улицы Второго Рима, подышать запахом вялых овощей и бараньих туш, вывешенных в мясных лавчонках (этой всеобщей бараниной нас чуть не задушили, без нее не обходился ни завтрак, ни обед; она же незримо присутствовала и в молоке, и в кофе, и даже в вине); любопытно побродить под расписными сводами в странно-пахучем, янтарно-желтом и пыльно-синем сумраке Старого базара, который, однако, очень напоминает нашу толкучку в чудовищном виде; лестно, среди как будто избранного, а в сущности, весьма прощального, космополитического общества европейских туристов, на селамлике — священном параде султана — созерцать крючковатый нос его правоверного величества, мимолетный кивок его головы и сорок сороков его закутанных жен в каретах последней парижской моды, сопровождаемых бесчисленным количеством черных евнухов; любопытно взглянуть на «дервишей пляшущих» — вертящихся в белых балахонах (совсем наши хлысты), и на «дервишей ревущих» (подлинный экстаз, религиозное исступление). Все это любопытно, повторяю, но не стоит, однако, ни таких денег, ни такого утомления.

Но вот Святая София — для нее, для одной, стоит, пожалуй, поехать в Константинополь! Я, по крайней мере, не жалею, хотя это уже мое второе паломничество

к ней. В первый раз я посетил ее двенадцать лет назад. Тогда я видел ее тотчас после Афин и Парфенона, который оставил во мне самое сильное впечатление красоты, которое я когда-либо испытывал в жизни. Но Святая София дала мне нечто новое, совсем, до противоположности, иное, но, может быть (я знаю, не случайно останется всегда это может быть), столь же великое. Тогда я только замышлял мою трилогию «Христос и Антихрист». Тема этой трилогии — отражение в истории, — вселенской, то есть все века, все народы и культуры объединяющей, — идеи христианства (или, вернее, религии Святой Троицы, потому что христианство — только фазис этой религии).

И я увидел тогда в Святой Софии первое, и донныне в новом религиозном зодчестве единственное, воплощение этой идеи.

После оконченного двенадцатилетнего труда мне захотелось вновь взглянуть на Святую Софию, поклониться ей, храму первого вселенского соединения народов в религии Отца, Сына и Духа.

Когда издали, с Босфора, в конце узкого мыса между Золотым Рогом и Мраморным морем видишь Святую Софию, она представляется почти геометрически правильным, как игральная кость, четырехгранником с наложенным на него плоским куполом цвета темно-серого, как осиное гнездо, между четырьмя длинными и узкими стрелками минаретов, разумеется, позднейшей мусульманской пристройки. Просто, даже слишком просто, почти бедно, хотя и огромно, потому что сразу видишь, или не столько видишь, сколько угадываешь, что это самое большое здание города.

Но когдаходишь внутрь храма и видишь его весь сразу (в этом его особенность, что видишь его сразу, с первого взора весь), душе понятным делается его величие: душа хочет крыльев. Ничего, кроме светлого, безмерно огромного, небу подобного, свода. Чувствуешь, что здание построено для этого свода. Все для него, все от него, все в нем. Он покрывает, соединяет, согласует, просветляет все. Никогда на земле не было более совершенного образа вечности, и почти невозможно поверить, что это создание рук человеческих.

Кроме главного, среднего, есть другие, меньшие, своды. Три в глубине: один над алтарем, два по бокам, прообразующие три неслиянные ипостаси Святой Троицы — Отца, Сына и Духа. Над этими тремя — один, больший, как бы объединяющий эти три; в нем выражено нераздельное единство ипостасей троичных. И, наконец, над ними, над всеми — главный, средний, самый широкий, — последнее соединение Святой Троицы с миром, Бога с человечеством, последнее совершение вселенского и Божеского в явлении богочеловечества, Церкви торжествующей, Святой Софии, Премудрости Божией, последнее совершение времен и вечности, когда все будет в Боге и Бог будет во всем.

Своды поднимаются без тамбуров, прямо от стен. В основании сводов расположены сплошным рядом низкие полукруглые окна, наполняющие свод ясным, тихим светом, так, что, кажется, купола реют в воздухе, сами воздушные, солнечно-золотистые, неимоверно высокие, легкие-легкие и несокрушимо твердые, как твердь небесная, «плоть духовная», святая плоть.

В наших древних русских церквах (соборы Успенский, Благовещенский и др.) и в средневековых готических соборах впечатление тайны и святости достигается угашением света дневного, искусственной ночью, в которой теплятся огни лампад и свечей, или же еще более искусственной окраской света радужными стеклами. Римский Петр светел, но лишен тайны; там холодный белый свет дневной — свет человеческого разума, только человеческого разума, свет полуязыческого Возрождения, гуманизма и рационализма, уже предвозвещающих протестанство из святого святых католичества. Святая София —

единственный храм — светлый и полный теплой, солнечной, небесной тайны. Янтарные лучи, мягкие и ровные, льются сверху, и весь круглый ясный простор освещен ими.

Иногда сквозь купол, из неба в небо, пролетают голуби, свистя крыльями, нежно нарушая благочестивую тишину. Да, перестав быть «христианским», великий храм остался все-таки храмом, домом Божиим, и тишина его поистине благочестива. Да и был ли он, мог ли быть и оставаться «христианским, только христианским», он, храм последней Премудрости Божией, так чудесно отразивший — помимо полного сознания строителей — всю полноту Божественной триипостасности? И кто знает, не оттого ли именно, что не было у людей, создавших его, этого реально-действенного сознания Троицы, что они все-таки считали его христианским, только христианским, храмом, — не оттого ли теперь стены его голы, сломаны, затерты кресты, замазаны святые лики, и там, над лишенным завесы алтарем, в среднем своде, лишь чуть видна, как громадная склоненная тень, голова Богоматери?

В храме молитвенная тишина. Люди приходят, благоговейно сняв обувь, становятся к стене поодиночке, а чаще вместе, и молятся. Долго, тихо, мирно опускаясь на колени или садясь и потом вместе, враз, подымаясь. Видно, читают вместе одну и ту же молитву. Они молятся Отцу, не зная Сына. Отцу без Сына, теперь, когда уже был Сын! И здесь, в этом храме всех трех — был, но ушел. Алтарь его пуст. Алтарь — в средней нише и обращен прямо к востоку. А Мекка — Иерусалим магометан — лежит к юго-востоку, — и вот ныне главный алтарь в мечети Айя-София не в середине храма, а чуть-чуть правее. Желтые, свежие циновки, сплошь устилающие пол, низкие лампы, кое-где низкие скамьи и подушки — все это как бы стягивается, влечется устремлением вправо; слегка, полузаметно, но упорно, и если вы это увидите, то уже нельзя отделаться от какой-то мутящей тоски, от впечатления внешней перекошенности всего здания, такого старого и стройного в своей сущности.

Какой крошечный, низенький балдахин над новым алтарем магометанским и как величествен широкий купол над древним пустующим алтарем. Но все молитвы, все воздыхания обращены туда, к этому крохотному балдахинчику, указывающему направление Мекки. «Един Аллах, и Магомет — пророк его!»

Я сидел на низкой ступени у главного входа, прямо против алтаря, смотрел в побледневший простор великого завоеванного храма с его тенями херувимов на стенах, чуть видимыми, жалкими и страшными, точно отошедшими; видел вьющиеся вправо, вкось циновки; слушал крылья пролетающих вверху голубей и тихие, чистые, такие чуждые мне, такие неподвижные, косные молитвы чуждых людей — Богу-Отцу без Сына. И мне становилось жутко.

В самом деле, возможно ли, что это лишь случайность? Храм Софии, Божественной Мудрости, — воплощение, созданное человеческими руками на земле, постижение людьми этой Мудрости — пал, отнят у создавших и постигнувших, отдан во власть пришедшему с Востока чуждому племени, людям, не знающим и не могущим узнать? Они остались, какими пришли, со своим неподвижным, бессыновным, бездейственным Отцом. Потому что ведь и к Отцу, как к Отцу, можно прийти только через Сына. Религия мусульманская — религия косности, недвижности. И поскольку она соприкасается с жизнью, — она ее задерживает. Религия чистого, каменного созерцания. Обращаясь к действию, к культуре, к знанию, к какому-либо движению, магометанин тем самым отвертывается от магометанства, выходит из религии. Эта религия жизни без жизни.

Таковы они, завоевавшие, взявшие себе великий храм, владеющие им много веков. Неужели это случайность?

То, что долго терпится на не знавших, не слышавших, не прощается знающим и не исполняющим. Людям, которые строили этот храм триединому Богу, Софии Премудрости, было дано много. И многое с них спросилось. Они знали Сына, открывающего Отца, посылающего Духа Утешителя. И эти три — едино, и эта религия — христианская, то есть единотроичная, через Христа открывающаяся, — единая действенная, необходимо двигательная, вечная Тайна, вечно раскрывающаяся.

Но Византия, построив храм Троице, забыла Троицу. Не умом. Одним умом, теоретически, схоластично, буквенно она ее помнила. Жизнь забыла, в биении крови забыла, остановившись в Христе, только в одном Христе, не проходя вечно через, сквозь него, к Отцу и Духу. И остановившись в одном втором лике, религия христианства, только христианства — сделалась такой же косной и бессильной, одиноко созерцательной, бездейственной, как ныне еврейская и магометанская, остановленная в первом лике — в Отце. Только, может быть, еще более бессильной, потому что знающим Сына, слышавшим его, не прощается, если на его зов не идут они к Отцу, не принимают Утешителя.

И когда в Византии окончательно определилась эта раздельность Сына и Отца, то есть когда ясно стало, что движение, действие, жизнь, мир (начало Отчее) в своем русле текут вне и помимо религиозных чувств, созерцаний или схематических умствований, вне и помимо храма, где все заслонил собой лик одного Христа, — Дух оставил этот слабый, этот слышавший и не исполнивший народ, так что язычники-варвары оказались сильнее его. Они пришли и овладели, взяли и укрепились, и стерли лик Сына со стен и дверей на долгие века. Будет ли когда-нибудь освобождена Святая София, выпрямится ли она навстречу восходящему солнцу, вернутся ли отошедшие, бледные тени херувимов? Загорится ли ее вечноприсутствующая тайна новым светом в чьем-нибудь человеческом сознании? Какой народ будет достаточно силен, чтобы понять силу, около человечества лежащую, действенную, силу религии Троицы, принять ее в себя, во все свое существо и ею победить?

Страшно и бесполезно гадать. Можно только верить, что когда-нибудь это должно совершиться и совершится. Но, кажется, далеки еще времена, и чем пристальнее вглядываюсь я в настоящее, тем менее верится в близость чьей-либо грядущей последней победы.

Страшно и прошлое, страшно и настоящее. И наше, русское настоящее.

Опять и теперь, как всегда в острые и решительные мгновения истории всех народов, откуда-то идут «язычники», варвары — новые, «культурные», но все-таки те же варвары — поднимают головы, встают, надвигаются — побеждают. Напрасно близорукие европейцы так мало придают значения тому, что наша война с Японией — война языческого народа с христианским. Не считаться с этим — все равно, что не обращать внимания на противоположность рас, на важность столкновений Европы и Азии, на самую кровь в деле, где она-то именно и льется.

Религия народа — не случайность, это признает всякий, как бы он сам лично на религию ни смотрел. И даже, если допустить, что причины зарождения той или другой религии у того или другого народа случайны, то следствия ее жизни в народе неоспоримы. Религия — часть крови и плоти народной; она делает его таким или другим, подводит или отводит от культуры, бросает его в культуру, разгорается или гаснет сама от прикосновения культуры. Религия до сих пор делала народы, давала им силу или отнимала ее. Если история готовит нам в будущем народы безрелигиозные, если культура вытеснит религию, то можно ли будет в действительном смысле слова назвать безрелигиозными эти народы? Культура не вытеснит, а лишь заменит собой религию, займет ее место, то есть сама станет религией. Таково вечное свойство человеческой души, человеческого

существа. В душе есть место для Бога, как в теле — место для пищи. И чем бы человек ни питался, — питаться он должен и будет, пока живет, и если живет. А ослабит или усилит будущие народы религия культуры, культура как религия, — это покажет будущее.

Итак, вот новая борьба «христиан» и «язычников». Потому что ни у нас, русских, ни у японцев еще нет культуры как религии, мы — еще «христиане», а культуры у нас совсем нет; у японцев ее больше, но все-таки они, прежде всего, язычники. И мне кажется, что поскольку тут столкновение двух религий, — истинные язычники должны были взять верх над христианами. Силу первобытной, варварской, языческой крепости, ныне соединенную с европейской, хотя бы поверхностной, культурностью, — можно побеждать лишь последней силой последней религии — религии Троицы, религии всеобъемлющей, не только созерцательной, но и действенной, принимающей в себя всю настоящую и будущую человеческую культуру, все откровения и знания, соединяющей в себе «разум — волю — чувство», как соединены в человеке его «дух — душа — плоть». К этой силе, одной побеждающей, мы и должны стремиться. И понять, к чему и куда нужно стремиться, — кажется, уже пора. Язычники поднимают головы...

Мы никогда не были на той созидательной религиозной высоте вселенской, какой достигла Византия. Наше христианство мы только взяли из ее же источника, и притом уже замутневшего. Мы, может быть, никогда еще не «слышали» так, чтобы создать храм, подобный Святой Софии. Нам многое прощалось и прощается. Но вот язычники поднимают головы... Где же мы?

Мы до сих пор, во всей нашей религиозной истории, жили христианством или даже лишь тоской по христианству, по религии чистого и крылатого созерцания. Эти крылья уносили каждого из наших великих подвижников, великих молчальников, в леса, в скиты, на молитвенный камень, в узкий и темный затвор. Уносили от людей, от жизни «сего мира», с его трепетами, муками, радостями, с его падениями и восстаниями. Если некоторые и возвращались к людям, — они возвращались просветленными, чуждыми, ненужными здесь, уже почти нездешними. Это были одинокие, «исполнившие» завет своей одинокой веры. А для остальных верующих завет был тот же, только не исполняемый ими по слабости, стоявший около, пока они жили, работали, любили, действовали, — завет, не входивший никак в их действия и все действия собой осуждающий.

«Отрекись, во имя Христа единого, от всего, ибо все во зле лежит, — и получишь великую награду на небесах. Культура, наука, красота, любовь — все это мешает тебе остановиться духовным взором на Христе и, погружаясь всецело в Его созерцание и приобщаясь голгофским мукам, — спасись. Пост, покаяние и молитва — вот твои действия, твоя жизнь, твой путь к спасению. Твой и каждого, кто сможет им идти. Других путей нет».

Это, конечно, идеал, которого достигали немногие; но разница лишь в степенях приближения, а уклон один: «поскольку ты в жизни и в действии, поскольку ты вне религии; поскольку ты верующий, идущий ко спасению, желающий приблизиться к Богу, поскольку забывай о них, отрясай прах земной». Я говорю нарочно резко, без переходов, без теней, для того чтобы яснее выявить принцип христианства, только христианства, религии, остановленной в лице Христа и потому сделавшейся религией чистого и бездейственного созерцания в наивысших своих точках.

Вероятно, и теперь есть, как встарь, эти высшие точки — великие старцы, молчаливые подвижники, истинные святые и светлые провидцы, где-нибудь в далекой келье или в лесу, о которых мы не знаем, потому что они скрыты и ничего нам не говорят. Говорят те, которые сами для себя этой высшей точки почему-либо не достигли, но завет, самый принцип созерцательной, внеземной религии хранят или охраняют твердо. Исходя из этого принципа, они, с неизбежностью, может быть, роковой для них, проклинают и

осуждают огулом весь трепет жизни, все ее порывы, всю ее молодость; они обвиняют современное поколение, стремящееся к знанию, к вольному воздуху, к общению и к общему действию, в том, что люди эти будто бы безрелигиозны.

Недавно мне пришлось прочитать две-три громовые (или, проще, бранчивые) статьи провинциальных пастырей высокого положения, направленные против всей интеллигенции, то есть против всего русского образованного общества и, конечно, главным образом, против той его наилучшей части, которая моложе, страстнее и горячее ищет правды общественной, смелее действует, бескорыстнее идет вперед, не задумываясь перед самопожертвованием. Епископы и архимандриты предавали интеллигенцию проклятию, не говоря, однако, открыто, до конца, что их собственная религиозная точка зрения не может допустить никакого действия, но как бы осуждая только эти именно действия.

Мне гораздо более понятна прямая речь одного из представителей белого духовенства, которую я прослушал этой зимой в закрытом собрании. Совершенно точно было высказано убеждение, что верующему христианину, а наипаче служителю церкви (о монахах уж и не говорилось) должно принимать общественную жизнь, все ее существующие формы, проявления, течения и уклады такими, каковы они есть, отнюдь их не судя и в них не вмешиваясь; пастырь-де молится о сохранении того, что пребывает в данный момент, веруя, что оно ниспослано Богом, дарующим наилучшее; поскольку же он принимает участие в действиях общественных, — постольку он перестает быть пастырем, а делается частным человеком, то есть соответственно отходит от Бога, как соответственно отходит, конечно, и просто верующий, ибо ведь это все ступени одной и той же лестницы «христианства»: высшая — старец, отшельник, святой, затем архипастырь черного духовенства, затем просто монах, затем священник и, наконец, верующий мирянин. Таким образом, ясно, что всякое действие, всякое участие в делах мирских есть с этой будто бы единственно «христианской» и в данном случае с православной, точки зрения, — компромисс, отход от религии; и чем больше это участие, тем дальше отход, и, наконец, в самую даль — в «безбожие».

Проведение открыто этого принципа во всей его последовательности мне понятно. И я искренне сожалею, что упомянутые выше провинциальные архипастыри, предавая анафеме всю учащуюся молодежь и все передовое образованное общество, не обвиняли их открыто в том, в чем должны были бы обвинить со своей исключительной точки зрения: а именно, в действии, то есть в компромиссах, влекущих будто бы за собой удаление от «чистого христианства». Но, думаю, коснись эти обличители компромиссов вообще, — им пришлось бы объяснить, почему они сами идут на компромиссы, благословляя такие действия, которые уже совсем, казалось бы, неприемлемы, например, войну, да и не одну только войну! Обличитель должен быть последователен и не останавливаться ни перед чем. А между тем, бросающие грома в «развращенную интеллигенцию» до такой степени наивно не видят собственных противоречий, что у одного из них встречается обмолвка: «... русская православная крепость»... Порт-Артур! «Православная крепость» — это, в своем роде, единственное сочетание слов. И пастырь-обличитель только скорбит и негодует, что в этой «православной крепости», во время семимесячной осады, не царило повсюду достойное ее православия целомудрие.

Но вернемся к ясным принципам и фактам. Да, современное общество и его мыслящая и наиболее действенная, жизненная и правдивая часть — в сознании своем — вне христианства. В этом-то и ужас, и слабость, и гроза, что подошло такое распадение; религия наша — внежизненна, жизнь наша — внерелигиозна.

Скажут, а где же народ? Разве он-то не религиозен? Разве в нем нет живой веры? Но, может быть, это потому, что народ еще не дошел до неизбежной точки в пути, — потому, что он еще вовсе не сознает, в кого и как верит. Вера народная крепка, но слепа. Слепой

может идти, кое-как двигаться, — но разве это истинное движение? Слепой опирается на всякую руку, не видя поводыря. А разве всякий поводырь надежен? Нет, лучше народу прозреть и стать перед этим страшным раздвоением путей — жизни и религии, нежели слепо ползти около оврагов. Лучше народу, подобно людям новым, ошибочно уклониться в одну сторону, в сторону безбожия (как ни страшно это произнести), нежели охранять свою, не осознанную им веру. Потому что я чувствую, что это было бы лишь на время, потому что чувствую и знаю, какой мираж эти «два пути». Действие и созерцание, жизнь и вера — да неужели они не одно, как Отец и Сын — одно? А где Отец и Сын — там и Дух животворящий, ибо все три — одно.

Двух путей нет в действительности, но они есть в нашем теперешнем сознании, а потому люди культуры и действия сознательно безрелигиозны, а люди верующие — сознательно бездейственны. Вины, может быть, нет ни на тех, ни на других, или вина на всех, ибо те и другие части раскалывают единое, берут части силы, которая в части своей, как сила, исчезает. И слабы созерцающие, только созерцающие, как слабы действующие, только действующие. Духа животворящего нет ни на тех, ни на других. Царство расколосось пополам... И язычники поднимают головы.....

Святая София, ясная и грустная, полная янтарным светом последней тайны, поддержала мою падающую, испуганную душу. Я смотрел на свод, подобный небесному своду, и думал: ведь вот есть же она, человеческими руками созданная, она — человеческое приближение к Троиственному Богу на земле. Это было — и будет больше этого. Как не придут к Отцу-миру истинно верующие в Сына? Как не придут к Сыну любящие мир, который и Отец так возлюбил, что Сына отдал за него? А они душу свою кладут за него и за друзей своих. У них есть уже Сын, если есть любовь. Они только имени не знают.

И мне хотелось молиться за всех, молиться в этом, до срока языческом, но единственном храме будущего о даровании моему народу истинной, побеждающей силы: сознательной веры в Бога триединого.